

Бой-баба

Архив. - 1999 -
12 июля. - с. 49.

СЕМИДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ ВЫСТАВКА ФОТОГРАФИЙ ТИНЫ МОДОТТИ

Ее биографию можно читать как географию: родилась в Италии, эмигрировала в США, стала певцом (пардон, певицей) трудового класса в послереволюционной Мексике. Работала на Советский Союз и в Советском Союзе. Воевала с франкистами в Испании. Умерла от сердечного приступа в Мексике же, в такси, возвращаясь с вечеринки, сорока пяти лет. А еще – Франция, Германия... Носило же вас, барышня. И любовники были у вас как на подбор: выдающийся фотограф, замечательный художник, генеральный секретарь компартии Кубы, сталинский кондотьер и в будущем мэр

канских мачо! Сама же плакалась: нет у нас, женщин, творческого дара. А туда же, творить».

Однако получалось. Если и красоты, то без предсказуемых бабских сантиментов. Снимала и публиковала фрески Диего Риверы, Хосе Ороско – и ей они обязаны своей первой известностью. Но высшим мастерством считала репортаж. Еще бы! У неграмотных мексиканских крестьян хватало ума не светиться; съемка должна быть быстрой, пока не разбежались. А кадр – внятным, как лозунг: avanti, к победе мировой революции! Вроде символических натюрмортов: гитара, патронная лента, початок кукурузы, серп и молот. Сейчас, конечно, все это выглядит умилительно в своей искренней прямоте, но примитивно ли? «Настоящее»

СЕЙЧАС ЕЕ ФОТОГРАФИИ УМИЛЯЮТ СВОЕЙ ИСКРЕННЕЙ ПРЯМОТОЙ

Триеста. Выдающийся фотограф, знаменитый Эдвард Вестон, запечатлел вас лежащей на каких-то там мексиканских камнях: обнаженная (о, как я всех их, ваших, понимаю!), чуть повернута голова; стройные, чуть поджатые в коленях ноги – знали свое дело голливудские продюсеры, когда приглашали вас на съемочные площадки.

Наверняка кто-нибудь на счет фоторабот Модотти прошипит довольно: «Да это же Родченко, да это же Игнатович. Двойная экспозиция – подумаешь, удивила. Сильный ракурс – а это вы где подсмотрели? И красоты в духе учителя Вестона. Да вообще, сомнительно, как смогла женщина – красивая женщина – реализоваться в кругу мекси-

ли творчество? Во всяком случае, променять ремесло фотографа на роль секретного агента Коминтерна Тине было не просто. И легендарная клятва верности мировому пролетариату, после того как Модотти зашвырнула свой фотоаппарат в Москву-реку, кажется натушной. Остались немногие работы – в лучших коллекциях мира. А единственная выставка 1929 года – организованная друзьями перед тем, как Тину выслали из Мексики по обвинению в причастности к произошедшему у нее же на глазах убийству ее друга (и любовника, да, любовника), – колесит спустя десятилетия по Европе: Вена, Мадрид, Будапешт... Теперь – Москва.

Новый Манеж 5-15 июля